Экстерриториальная цифровая подсудность в цивилистическом процессе

Хабибуллин Марат Ильгизарович
аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федераци, aspirantmarat@outlook.com

В статье исследуется институт территориальной подсудности с точки зрения возможностей и пределов его реформирования в условиях цифровой инфраструктуры цивилистического процесса. На основании догматического анализа дореволюционной и современной процессуальной доктрины обосновывается тезис об инструментальной, технико-организационной природе общего правила территориальной подсудности и об отсутствии у территориального критерия сущностной конституционной природы. Показано, что три классических основания территориального критерия — транспортно-коммуникационные ограничения, знание судьёй местного контекста и юрисдикционный суверенитет административно-территориальных единиц — в современной цифровой инфраструктуре утратили универсальную силу. Предлагается инверсия общего правила: для закрытого перечня категорий дел, фактическая обстановка которых реконструируется преимущественно по документальным доказательствам, экстерриториальное автоматизированное распределение становится общим правилом, а территориальная привязка сохраняется как закрытый перечень исключений. Особое внимание уделено технологической инфраструктуре модели — национальному мессенджеру «МАКС», ЕСИА, идентификации и аутентификации участников, электронным образам документов — и системе процессуальных гарантий.

Ключевые слова: территориальная подсудность, цифровизация правосудия, экстерриториальная подсудность, цивилистический процесс, идентификация и аутентификация, ЕСИА, национальный мессенджер, электронные образы документов.

Введение

Институт территориальной подсудности относится к числу наиболее устойчивых процессуальных конструкций отечественного правопорядка. Гражданское (ст. 28–32 ГПК РФ) [12], арбитражное (ст. 35–38 АПК РФ) [13] и административное (ст. 22–24 КАС РФ) [14] судопроизводство воспроизводят сходную нормативную архитектуру, в основу которой положена привязка спора к административно-территориальной единице. Между тем доступ к правосудию в современных условиях во многом носит «скорее экономический, чем юридический характер» [10, с. 30]: качество и реальная доступность судебной защиты различаются между регионами, а нагрузка распределяется неравномерно. Цифровая инфраструктура цивилистического процесса — электронная подача документов, видео-конференц-связь, личные кабинеты в системах «Мой арбитр» и ГАС «Правосудие», интеграция судебных сервисов с ЕСИА [8, с. 19] — открывает технологическую возможность для пересмотра территориального критерия в сегменте дел, фактическая обстановка которых реконструируется преимущественно по документальным доказательствам. Цель исследования — обосновать институциональную возможность инверсии общего правила территориальной подсудности для закрытого перечня категорий цивилистических дел и описать минимально необходимую нормативную и технологическую инфраструктуру такой инверсии. Методология — догматический анализ норм процессуального законодательства, историко-правовая реконструкция доктрины и системно-функциональный анализ соотношения территориального критерия с принципом непосредственности и конституционным правом на законный суд (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ [11]).

1. Догматическая природа территориальной подсудности

В отечественной процессуальной доктрине территориальная подсудность последовательно конструировалась не как сущностный элемент правосудия, а как технико-организационный критерий распределения дел между однородными судами, подчинённый соображениям удобства сторон. Дореволюционные процессуалисты исходили из того, что правила подсудности устанавливаются в интересах тяжущихся, рассчитаны на типичные ситуации и потому допускают изменение по соглашению сторон в пределах, не затрагивающих публичных интересов [7, с. 172; 9, с. 108]. В классической систематизации компетенция гражданских судов представлена как многоэлементная конструкция, охватывающая судебную и гражданскую юрисдикцию, объективную (родовую), функциональную и пространственную компетенцию; пространственный элемент признаётся наиболее «подвижным» и единственным, который сторонами может быть изменён [3, с. 484]. Нормы о территориальной компетенции относились к категории условно обязательных: они установлены ради удобства частных лиц и не затрагивают существа правосудия — для последнего безразлично, в каком из однородных судов будет рассмотрено дело [4, с. 258].

Это понимание подтверждается в новейших исследованиях: организационная природа общей территориальной подсудности обнаруживается в том, что её содержание различается в исковом и административном судопроизводстве, а в особом производстве общее правило вовсе отсутствует [6, с. 156]. Дезавуирование территориального элемента в условиях цифровой инфраструктуры затрагивает не ядро института подсудности, а его служебный, технический слой; организационная задача равномерного и беспристрастного распределения дел между однородными судами реализуема и средствами цифровой инфраструктуры.

2. Виды территориальной подсудности и их коллизии

Действующая модель не сводится к общему правилу. Общая подсудность закреплена ст. 28 ГПК РФ, ст. 35 АПК РФ, ст. 22 КАС РФ и привязывает иск к месту жительства гражданина-ответчика или месту нахождения организации. Альтернативная подсудность (ст. 29 ГПК РФ, ст. 36 АПК РФ) предоставляет истцу право выбора между несколькими судами; исключительная (ст. 30 ГПК РФ, ст. 38 АПК РФ) императивно привязывает определённые категории дел к конкретному суду — по месту нахождения недвижимости (forum rei sitae), по месту открытия наследства, по месту нахождения должника в делах о банкротстве; договорная (ст. 32 ГПК РФ, ст. 37 АПК РФ) допускает изменение территориальной подсудности соглашением сторон; КАС РФ договорной подсудности в силу публично-правовой природы регулируемых отношений не предусматривает.

Сосуществование нескольких видов территориальной подсудности порождает системные коллизии: «не урегулирован приоритет одного вида подсудности над другим в случае обнаружения в одном деле: 1) исключительной и альтернативной подсудности… 2) двух норм исключительной подсудности; 3) исключительной и подсудности встречного иска…» [6, с. 124]. Такие коллизии типичны при предъявлении исков о правах на недвижимое имущество, осложнённых требованиями о защите прав потребителей; при банкротных производствах, в которые вовлекаются обособленные споры с собственной территориальной привязкой; при подаче встречного иска. Совмещение нескольких территориальных критериев в одном деле демонстрирует, что внутренняя архитектура действующей модели не лишена структурных дефектов, разрешение которых в рамках сугубо территориального подхода требует ad hoc-доктринальных конструкций.

3. Утрата классических оснований территориального критерия в цифровой среде

В пореформенной отечественной доктрине территориальная подсудность объяснялась не сущностной связью спора с местностью, а тремя инструментальными обстоятельствами: транспортно-коммуникационные ограничения требовали географической близости суда к сторонам и доказательствам; знание судьёй местного контекста рассматривалось как условие правильного установления обстоятельств; юрисдикционный суверенитет административно-территориальных единиц до унификации правового регулирования предполагал наличие локальных особенностей применимого права [3, с. 279-281].

Каждое из этих оснований в современной инфраструктуре цивилистического процесса либо утратило универсальную силу, либо радикально трансформировалось. Транспортно-коммуникационное основание нейтрализовано развитием видеоконференц-связи, веб-конференции (ст. 155.1 ГПК РФ, ст. 155.2 ГПК РФ и корреспондирующие им статьи АПК РФ и КАС РФ) и электронного документооборота; удобство тяжущихся обеспечивается не территориальной близостью, а доступностью канала коммуникации с судом. Подавляющее большинство гражданских и арбитражных споров — корпоративные конфликты, споры из договоров поставки, подряда, оказания услуг, потребительские, трудовые, кредитные — основано на формализованных правоотношениях, доказательственная база которых складывается из письменных документов, выписок из публичных реестров, банковских сведений, цифровых следов хозяйственной деятельности; правовая квалификация осуществляется по нормам федерального права, а фактическая обстановка реконструируется по документальным доказательствам, а не по личному наблюдению судьи. Локальные особенности сохраняют значение в ограниченном круге дел, связанных с недвижимым имуществом, земельными и природоресурсными отношениями; юрисдикционный суверенитет административно-территориальных единиц утратил универсальное значение с унификацией федерального правового регулирования.

4. Инверсия общего правила: экстерриториальное распределение как общее, территориальное как закрытое исключение

Если общее правило территориальной подсудности по своей функциональной природе является организационным, а классические основания территориального критерия в подавляющем большинстве цивилистических дел утратили универсальную силу, представляется обоснованным рассмотрение инверсии этого правила: экстерриториальное автоматизированное распределение становится общим правилом, а территориальная привязка сохраняется как закрытый перечень исключений.

Инверсия не является институциональной новеллой. В Российской Федерации последовательно складывается тенденция отхода от совпадения судебных территорий и границ административно-территориального деления; экстерриториальный принцип положен в основу юрисдикции военных судов, окружных и апелляционных арбитражных судов, мировых судей [1, с. 167]. К этому ряду относится и Суд по интеллектуальным правам (гл. 23 АПК РФ), осуществляющий специализированную юрисдикцию на всей территории Российской Федерации. Доктринальная опора инверсии находится в систематизации критериального аппарата подсудности, согласно которой представляется возможным «руководствоваться элементами иска как критериями подсудности» [6, с. 39].

Закрытый перечень категорий, подлежащих экстерриториальному распределению, формируется по содержательному критерию: в него включаются дела, по которым фактическая обстановка реконструируется преимущественно по документальным доказательствам, а непосредственный осмотр объекта спора не относится к необходимым процессуальным действиям, — корпоративные споры; споры из договоров поставки, подряда, возмездного оказания услуг, перевозки, кредитных и иных денежных обязательств; споры о защите интеллектуальных прав; административные дела о привлечении к ответственности и об оспаривании ненормативных актов. Привязка перечня к содержательной природе спора, а не к усмотрению стороны нейтрализует риск forum shopping. Инверсия не упраздняет территориальной подсудности: за пределами закрытого перечня сохраняется действующая модель — общая, альтернативная, исключительная и договорная. Двухканальный дизайн не противоречит ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации: конституционное требование сводится к установлению подсудности федеральным законом и не предписывает законодателю избрать именно территориальный способ её определения. Представляет верным подход, согласно которому содержательное ядро права на законный суд образует определённость и заранее известность критериев определения судьи, а не право «на своего судью» [2, с. 116].

5. Технологическая инфраструктура экстерриториальной модели: национальный мессенджер «МАКС», ЕСИА, идентификация и аутентификация

Институциональная состоятельность инверсии обусловлена наличием цифровой инфраструктуры, способной обеспечить надёжное удалённое участие сторон и достоверную их идентификацию. Принципиальной чертой её современной фазы является переход от разнородного набора специализированных судебных сервисов («Мой арбитр», ГАС «Правосудие») к единой коммуникационной среде. Российская цифровая платформа «МАКС» позиционируется как национальный мессенджер: помимо обмена сообщениями и голосовой связи она обеспечивает получение государственных услуг, удостоверение личности через ЕСИА, использование цифрового идентификатора и усиленной электронной подписи. Интеграция «МАКС» с ЕСИА опирается на ст. 1 Федерального закона от 24.06.2025 N 156-ФЗ [16]; распространение этой логики на процессуальную сферу предполагает дополнение процессуальных кодексов нормой о проведении судебного заседания и осуществлении процессуальных уведомлений в среде национального мессенджера при идентификации сторон через ЕСИА и применении усиленной

квалифицированной электронной подписи (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ) [17].

Понятийный аппарат идентификации и аутентификации сформирован на основе технических ГОСТов: аутентификация — «акт проверки заявленной личности субъекта», верификация — «подтверждение посредством представления объективных свидетельств того, что установленные требования выполнены» [8, с. 26]. Доступ к личным кабинетам в «Мой арбитр» и на портале ГАС «Правосудие» возможен только через идентификацию учётной записью физического лица в ЕСИА; для аутентификации участников онлайн-заседания используется ключ простой электронной подписи или сертификат усиленной квалифицированной электронной подписи. Аутентификация одновременно устанавливает личность участника, обеспечивает направление судебных уведомлений и позволяет на ранней стадии проверить соответствие спора территориальной компетенции суда [8, с. 37]. Технологическая инфраструктура тем самым выполняет служебную функцию: она не вводит новой категории компетенции и не подменяет института подсудности, а снимает транспортно-коммуникационную нагрузку, превращая участие в процессе при экстерриториально определённом суде в действие, эквивалентное направлению сообщения и идентификации в привычной гражданину цифровой среде.

6. Электронные образы документов как условие экстерриториальной модели

Доказательственным следствием перевода значительной части цивилистических дел в экстерриториальный режим становится необходимость нормативной определённости в части использования электронных образов документов. Действующее регулирование допускает представление в суд копий документов, в том числе изготовленных в форме электронных образов, и признаёт их доказательствами наряду с оригиналами (ст. 71 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ, ст. 70 КАС РФ). Случаи, когда непосредственное представление оригинала становится процессуально необходимым, сводятся к трём типичным ситуациям: когда обстоятельства дела согласно нормативным правовым актам подлежат подтверждению только оригиналом (например, вексельные обязательства); при представлении сторонами противоречащих по содержанию копий; при заявлении стороны о подлоге. Две последние ситуации процессуально редки, а за умышленное представление подложных доказательств лицо подлежит ответственности по ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации [15].

Для подавляющего большинства категорий, включаемых в перечень экстерриториального распределения, электронные образы документов процессуально достаточны и не требуют представления оригиналов в суд. В тех ситуациях, когда оригинал объективно необходим, экстерриториальная модель допускает гибридные процессуальные решения — направление оригинала почтовой связью либо его представление в порядке судебного поручения через территориально близкий участникам суд. Тем самым электронные образы документов выступают инфраструктурным условием экстерриториальной модели, обеспечивающим её доказательственную состоятельность.

7. Закрытый перечень исключений и гарантии обратимости

Симметрично закрытому перечню категорий, передаваемых на экстерриториальное распределение, инверсия общего правила предполагает закрытый перечень исключений, по которым сохраняется действующая модель — в том числе исключительная подсудность. К исключениям относятся: дела о правах на недвижимое имущество и об освобождении имущества от ареста; дела о наследовании; дела о банкротстве; дела с участием граждан, в отношении которых установлен режим особой процессуальной защиты, при отсутствии их согласия на дистанционный формат. Сопоставимая аргументация о пределах автономии воли при выборе суда в делах с особой связью спора с местом нахождения объекта представлена в литературе о процессуальных договорах [5, с. 213-263]. За пределами закрытого перечня усмотрение суда в части возврата к территориальной модели исключается.

Гарантии обратимости на индивидуальном уровне обеспечивают совместимость экстерриториального распределения с принципом непосредственности судебного разбирательства (ст. 157 ГПК РФ, ст. 10 АПК РФ, ст. 13 КАС РФ) и выстраиваются по трёхзвенной конструкции: (а) право стороны заявить мотивированное ходатайство о возвращении дела к территориальному порядку при наличии объективной процессуальной необходимости — массива вещественных доказательств, требующего осмотра, допроса свидетелей, для которых дистанционное участие исключено (либо затруднено) или если стороной является лицо, в силу возраста не обладающее достаточным уровнем владения цифровыми инструментами; (б) обязанность суда вынести по такому ходатайству мотивированное определение (225 ГПК РФ и корреспондирующие нормы), подлежащее обжалованию в общем порядке для определений, препятствующих движению дела; (в) гибридная очно-дистанционная модель для эпизодов, требующих непосредственного исследования доказательств. Распределение дела остаётся процессуально-организационным инструментом: оно определяет, какой судья рассмотрит дело, но не как; содержательные решения — оценка доказательств, формирование внутреннего убеждения, разрешение дела по существу — принадлежат судье в общем порядке.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что общее правило территориальной подсудности по своей доктринальной природе является технико-организационным критерием распределения дел между однородными судами, исторически подчинённым соображениям удобства сторон и обусловленным транспортно-коммуникационными ограничениями, знанием судьёй местного контекста и юрисдикционным суверенитетом административно-территориальных единиц. Каждое из этих оснований в условиях современной цифровой инфраструктуры цивилистического процесса либо утратило универсальную силу, либо радикально трансформировалось, что открывает институциональную возможность инверсии общего правила для очерченного закрытого перечня категорий.

Обоснованной представляется модель, при которой для дел, фактическая обстановка которых реконструируется преимущественно по документальным доказательствам (корпоративные споры; споры из договоров поставки, подряда, оказания услуг, перевозки, кредитных и иных денежных обязательств; споры о защите интеллектуальных прав; административные дела о привлечении к ответственности и об оспаривании ненормативных актов), общим правилом становится экстерриториальное автоматизированное распределение между судами одного звена, а территориальная привязка сохраняется как закрытый перечень исключений. Технологической инфраструктурой модели выступают национальный мессенджер «МАКС», интегрированный с ЕСИА, многоуровневая процедура аутентификации участников и нормативное признание электронных образов документов в качестве доказательственного материала. Совместимость с принципом непосредственности и конституционным правом на законный суд обеспечивается правом стороны заявить мотивированное ходатайство о возвращении дела к территориальному порядку рассмотрения, обязанностью суда вынести мотивированное определение и гибридной очно-дистанционной моделью ведения процесса. Законодательная реализация модели предполагает дополнение ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ нормами о закрытом перечне категорий, подлежащих экстерриториальному распределению, о закрытом перечне исключений и о механизме федерального автоматизированного распределения, а также внесение корреспондирующих изменений в Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ и Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ.

Литература

1. Абросимова Е.Б. Очерки российского судоустройства: реформы и результаты. М.: Институт права и публичной политики, 2009. 280 с.
2. Анишина В.И. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации: формирование, содержание и перспективы развития: монография. М.: РАП, 2006. 272 с.
3. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 622 с.
4. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. 411 с.
5. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор: монография. М.: Статут, 2015. 368 с.
6. Любимова Е.В. Критерии подсудности в гражданском и административном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. Екатеринбург, 2020. 217 с.
7. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб., 1874. 444 с.
8. Маколкин Н.Н. Аутентификация и верификация в цивилистическом процессе: монография. М.: Статут, 2024. 184 с.
9. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1909. 388 с.
10. Ярков В.В. Проблемные вопросы регулирования компетенции в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 25–36.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
12. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
16. Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ "О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2025. № 26. Ст. 5231.
17. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

Extraterritorial digital jurisdiction in civil procedure

Khabibullin M.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the institution of territorial jurisdiction from the standpoint of the possibilities and limits of its reform within the digital infrastructure of civil procedure. On the basis of doctrinal analysis of pre-revolutionary and contemporary literature, the thesis is substantiated regarding the instrumental, technical-organisational nature of the general rule of territorial jurisdiction and the absence in the territorial criterion of any essential constitutional nature. It is demonstrated that the three classical grounds for the territorial criterion — transport and communication constraints, the judge's familiarity with the local context, and the jurisdictional sovereignty of administrative-territorial units — have lost their universal force in the present digital infrastructure. An inversion of the general rule is proposed: for a closed list of categories of cases whose factual circumstances are reconstructed primarily from documentary evidence, extraterritorial automated distribution becomes the general rule, while territorial attachment is retained as a closed list of exceptions. Particular attention is paid to the technological infrastructure of the model — the national messenger "MAX", the UIAS, identification and authentication of participants, electronic copies of documents — and to the system of procedural safeguards.

Keywords: territorial jurisdiction, digitalisation of justice, extraterritorial jurisdiction, civil procedure, identification and authentication, UIAS, national messenger; electronic copies of documents.

References

1. Abrosimova, E.B., Essays on the Russian Judiciary: Reforms and Results. Moscow: Institute of Law and Public Policy, 2009. 280 p.
2. Anishina, V.I., Constitutional Principles of the Judicial Authority of the Russian Federation: Formation, Content, and Development Prospects: Monograph. Moscow: RAP, 2006. 272 p.
3. Vas'kovsky, E.V., Course of Civil Procedure: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions. Moscow: Statut, 2016. 622 p.
4. Golmsten, A.Kh., Textbook of Russian Civil Procedure. 5th ed., corrected and enlarged. St. Petersburg, 1913. 411 p.
5. Eliseev, N.G., Procedural Agreement: Monograph. Moscow: Statut, 2015. 368 p.
6. Lyubimova E.V. Jurisdiction Criteria in Civil and Administrative Proceedings: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.15. Yekaterinburg, 2020. 217 p.
7. Malyshev K.I. Civil Procedure Course. Vol. 1. St. Petersburg, 1874. 444 p.
8. Makolkin N.N. Authentication and Verification in Civil Procedure: Monograph. Moscow: Statut, 2024. 184 p.
9. Nefedyev E.A. Textbook of Russian Civil Procedure. Moscow: Printing House of the Imperial Moscow University, 1909. 388 p.
10. Yarkov V.V. Problematic issues of regulating competence in the draft Code of Civil Procedure of the Russian Federation // Bulletin of Civil Process. 2015. No. 1. pp. 25–36.
11. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru.
12. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
13. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
14. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015, No. 21-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. Art. 1391.
15. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
16. Federal Law of 24.06.2025 No. 156-FZ "On the Creation of a Multifunctional Information Exchange Service and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 26. Article 5231.
17. Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signatures" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Article 2036.